

Армарочный театр.

“Мъщане”.

Исполнение „Мъщанъ“ представило для нижегородцев новинку, особенно относительно роли Нила. Игралъ ее г. Тугановъ и вполне оправдалъ наше первое сужденіе о немъ, что онъ умѣетъ воплощаться въ свои роли. Фигура Васьки Пепла имъ почему то еще не создана, хотя едва ли превышаетъ его силы, и нужно думать, что она ему еще удастся. Но Ниль выходить у этого артиста живымъ, неподдѣльнымъ лицомъ. Артистъ такъ хорошо слился съ замысломъ автора, что вполне истолковалъ его публикѣ, даже какъ будто сгладилъ недостатки роли Нила и дорисовалъ нѣкоторые неясные ея контуры. Иначе сыграть Нила кажется невозможнымъ, до того онъ пришелся г. Туганову по темпераменту и по характеру. Если вспомнимъ, что за день передъ тѣмъ г. Тугановъ отлично изображалъ подленькаго и пошленькаго лакея съ рабьей походкой, то еще больше удивимся такому полному воплощенію Нила, этого антипода всякаго лакейства. Основная черта его игры была подкупающая, такъ сказать, красивая молодая искренность, совершенно оправдывавшая слова Тани, что съ Ниломъ пріятно говорить, потому что онъ какой-то „свѣжій“. Именно свѣжестью души, мощною и блестяще—юною, вѣяло отъ Нила. Никакого самомнѣнія, никакой заносчивости (въ которую такъ легко впасть исполняющему роль Нила), никакого тщеславія, никакой рисовки. Богатырская сила, но не сознающая себя, не умѣющая хвастаться; смѣлость безъ границъ, свобода рѣчи, чувствъ и поступковъ безъ тѣни страха, но при этомъ и ни тѣни злобы, злословія или глумливости. И къ старику Безсѣменову у Нила нѣтъ озлобленія, едва мимолетная досада; взглядъ у него въ сценахъ съ нимъ бывалъ пристальный, раздраженный, но не на долго. Не успѣвалъ Безсѣменовъ исчезнуть изъ глазъ Нила, какъ исчезалъ и изъ его памяти. Онъ былъ точно слишкомъ мелокъ и немоощенъ, чтобъ сильно занимать Нила. Онъ въ его жизни — эпизодиченъ. Гнетъ старика, грознаго для многихъ другихъ, Ниль и не чувствовалъ. Вообще въ немъ была доброта, приущая большой силѣ, не замѣчающей многихъ золь. Всѣ стычки со старикомъ проходили у Нила весело, по-школьнически, до высунутаго языка включительно. Лишь когда старикъ накинулся съ упреками на Полю, у Нила проснулся болѣе серьезный гнѣвъ на него, но и тотъ сейчасъ улегся подъ вліяніемъ очень простой развязки—что оба они съ Полей сейчасъ и навсегда отъ старика уйдутъ. Отрадно было смотрѣть на этого символическаго силача, которому не страшны никакіе призраки, гнетущіе множество людей безнадежно и непреодолимо. Вѣрилось, что многія цѣпи шута разорвутся въ его рукѣ, что многія двери, запертыя на семь замковъ, передъ нимъ распахнутся. И трогательно было слышать признаніе его, что онъ знаетъ—жизнь тяжелая штука, но что онъ такъ любитъ справляться съ нею, этому помѣшать, тому помочь... Это было сказано съ неподражаемымъ увлеченіемъ бурнаго усилія. Въ двухъ мѣстахъ проступали молніи и громы накопленнаго въ Нилѣ электричества—въ сейчасъ упомянутомъ мѣстѣ и въ разсказѣ о процессѣковки жѣлѣза, который Нилу такъ нравится: этой злой, бѣшеной расплавленной массѣ придавать форму, какую хочешь! Обѣ сильныя тирады были сказаны артистомъ великолепно, и опять таки при всей яркости игры—съ чрезвычайной наивностью и простотой. Отношеніе Нила къ Танѣ тоже было крайне симпатично. Оно было бережно—съ опасеніемъ, какъ бы неумѣстнымъ словомъ или жестомъ не дать ей напрасныхъ надеждъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ласково и мягко. Сцена съ Полей сверкала всей красотой знойной первой страсти. Въ ней не было безтактности, которую дѣлаютъ другіе исполнители: она не прошла, по близости Тани, а Таня подслушала ее, невѣдомо для влюбленныхъ, и выступила лишь къ концу, сильно смутивъ Нила. Онъ ей бросилъ свое: „Подслушала! Эхъ ты!“—но не рѣзко, а тихо и грустно, съ жалостью къ ея мученію, добровольно испытанному.

Много повредило иллюзіи, что Поля не отвѣчала Нилу такой же непосредственностью и могучимъ благородствомъ свободной души, а вышла, въ исполненіи очень недаровитой артистки, жеманной горничной. Ея отвѣты Безсѣменову были только дерзки. Афоризмы, вложенные въ ея роль, пропали. Двигалась она, какъ кукла. Вообще непонятно было, за что Ниль выбралъ ее, а не Таню, привлекательную въ исполненіи г-жи Максимовой. Игра послѣдней была очень прѣчувствована, очень драматична; но упрекнуть ее можно за то, что ея Таня была слишкомъ интересна, а не скучна, и не оправдывала холодности къ ней Нила, имѣвшая больше поводовъ влюбиться въ нее, чѣмъ въ Полю.

Безсѣменовъ - отецъ, г. Семашко, совсѣмъ не представлялъ типичнаго мъщанина; онъ могъ бы быть во всякомъ быту самодуромъ—отцомъ, даже въ крупномъ чиновничьемъ. Нѣкоторыя мѣста роли были сыграны имъ очень сильно и произвели впечатлѣніе.

Безсѣменова - сына игралъ г. Неволинъ очень рельефно и вѣрно.

Хорошъ былъ и студентъ, пріятель его.

Роль Тетерева артистъ не испортилъ, но и не выдвинулъ, мѣстами онъ говорилъ ее вполне хорошо и съ чувствомъ, но бывалъ и совершенно безцвѣтенъ.

Перчихинъ г-номъ Арсеньевымъ былъ прекрасно переданъ въ спокойныхъ, безстрастныхъ, наивныхъ мѣстахъ роли. Но сцена, гдѣ милый птицеловъ узнаетъ о свадьбѣ дочери и съ восторга сочиняетъ двустипшіе, приплясывая, вышла такою деревянною, была взята такимъ невѣрнымъ тономъ, что досадно было смотрѣть на нее, послѣ остальнаго талантливаго исполненія.

Г-жа Огинская отличается повидимому неровностью и нѣкоторою искусственностью игры. Въ Еленѣ у нея была кокетливость, мягкость, веселость, но не было простоты, необходимой для нея. И затѣмъ не всѣ мѣста роли выходили удачными—въ нѣкоторыхъ жеманство такъ преувеличивалось, что совсѣмъ портило впечатлѣніе.—Очень удовлетворительны были старуха Безсѣменова и кухарка.